

Н О В Ы Й
ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ВСѢХЪ

1908 годъ

Ноябрь. № 1.

ЧЕХОВЪ ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ТЕАТРЪ.

Статья Н. Эфроса.

«Художественный театр—писалъ А. П. Чеховъ въ одномъ письмѣ къ Вл. И. Немировичу-Данченко,—это лучшія страницы той книги, которая когда-либо будетъ написана о современномъ русскомъ театрѣ» *).

И самъ Чеховъ—лучшія, наиболее яркія и незабываемыя строки этихъ страницъ.

За Художественнымъ театромъ прочно закрѣплено имя — «чеховскій театр». Его эмблема — чайка. И нельзя, говоря о немъ, не говорить объ авторѣ «Чайки».

— Нашъ театръ въ такой степени обязанъ твоему таланту, твоему нѣжному сердцу, твоей чистой душѣ, что ты по праву можешь сказать: «это мой театр».

Такъ публично, со сцены, говорилъ Чехову руководитель Художественнаго театра на первомъ спектаклѣ «Вишневаго Сада». Это было приблизительно за полъ-года до Баденвейлерской катастрофы. Всѣ точно предчувствовали, что быстро догоритъ благородная жизнь, что «Вишневымъ Садамъ» Чеховъ прощается съ русскою драматургіею, съ русскимъ зрителемъ, съ Художественнымъ театромъ. Сторожить смерть. И Москва спѣшила выразить свои чувства. Восторженные привѣты звучали, какъ грустныя прощанія передъ разлукою.

Когда г. Немировичъ-Данченко говорилъ: это—твой театр,—свѣтъ тихой улыбки легъ на немного смущенное лицо Чехова. Такъ всегда улыбались его блѣдныя губы и мягкіе близорукіе глаза подъ стеклами пенсне, когда слышалъ онъ что-нибудь, что глубоко совпадало съ его сокровенною мыслью.

Это была не фраза, не ораторскій приемъ и не преувеличеніе привѣтствія. Слова можно подтвердить теперь даже статистически. Къ десятилѣтію въ Художественномъ театрѣ подсчитали цифры спектаклей. Театръ сыгралъ за этотъ срокъ 1732 раза (въ Москвѣ — 1474). Изъ этого числа 464 спектакля приходятся на долю пяти чеховскихъ драмъ: «Дядя Ваня»—143, «Три сестры»—102, «Вишневый Садъ»—94, «Ивановъ»—64, «Чайка»—61. Больше четверти спектаклей принадлежало Чехову. И никого не игралъ театръ такъ совершенно,

*) Эта и всѣ послѣдующія цитаты—изъ писемъ А. П. Чехова, еще не бывшихъ опубликованными и любезно предоставленныхъ въ мое распоряженіе.

Възлюбена мамо! Какво приятно е да
срещам твоите писма, които ми дават
и сърдечен привет - аз съм, аз съм
мисля о теб, о род, какъв ден
успешен моят изпитаване днес. Ой,
и утре ще съм, и охладиха! Хубаво
ми' междо - аз съм в училище
където, каква едн' когато съм ти
о съвременния руски език. Днес
всичко е добре, и аз съм
като и преди, и аз съм
не съм. Ето ти аз съм в Москва,
за подарявам ти книга и аз съм
мисля, когато ти в конспект
ти помагам да пишеш и, ако
и, не съм аз съм охладиха и съм
мисля

А. П. Чехов

ни чьихъ художественныхъ замысловъ не постигъ такъ полно и глубоко и не передалъ въ такой красотѣ, какъ Чехова.

Это была новая фаза русской драматургіи, обогатившая нашъ художественный реализмъ, открывшая ему широкія доступы въ тайное царство тончайшихъ настроеній, къ самымъ заглушеннымъ мелодіямъ измученной русской души. И Художественный театръ нашель, создалъ образцовую сценическую форму для этого новаго содержанія чеховской драмы, смѣявшейся надъ старыми канонами эстетики, пренебрегавшей пресловутымъ «дѣйствиємъ», но покорной высшему закону живой правды.

Сближеніе Чехова съ Художественнымъ театромъ началось съ самаго возникновенія послѣдняго. Чеховъ былъ въ числѣ первыхъ пайщиковъ и отнесся къ начинанію гг. Немировича-Данченко и Станиславскаго съ очень живымъ интересомъ. Но скоро интересоваться пришлось лишь издали. Болѣзнь легкихъ уже остро давала себя чувствовать. А осень была плохая, холодная и сырая. Врачи услали Чехова опять въ Ялту, которую онъ не разъ въ письмахъ той поры къ московскимъ друзьямъ звалъ своимъ «Чортовымъ Островомъ», а себя—«Дрейфусомъ». Чеховъ часто писалъ то тому, то другому изъ близкихъ къ театру, спрашивалъ о всѣхъ подробностяхъ, особенно интересовался репертуаромъ.

Но когда г. Немировичъ-Данченко, восторженный поклонникъ чеховской драматургіи, не желавшій принять грибоѣдовскую премию за «Цѣну Жизни», потому что считалъ «Чайку» неизмѣнно болѣе достойною этой премии,—завель съ А. П. рѣчь о постановкѣ «Чайки», Чеховъ энергично запротестовалъ.

— Зачѣмъ же, послушайте, не нужно. Я же не драматургъ.

Такъ упрямо отвѣчалъ онъ на всѣ просьбы. И подъ оболочкою шутки—она всегда преобладала въ рѣчи Чехова о себѣ,—жило серьезное убѣжденіе, что онъ—не для театра. Очень возможно, что убѣжденіе это сложилось подъ впечатлѣніями отъ той же «Чайки» въ петербургскомъ Александринскомъ театрѣ. Нѣжная, хрупкая, въ печаляхъ рожденная пьеса совершенно не была тамъ понята и оцѣнена ни исполнителями, ни зрителями. Не разъ въ самый скорбный моментъ драмы, гдѣ подступаютъ у автора рыданія, въ залѣ звучалъ громкій смѣхъ. Актеры безпомощно метались по сценѣ. «Чайка» безнадежно провалилась.

«Да, моя чайка,—пишетъ Чеховъ въ одномъ письмѣ,—имѣла въ Петербургѣ, въ первомъ представленіи, громадный неуспѣхъ. Театръ дышалъ злобою, воздухъ сперся отъ ненависти, и я, по законамъ физики, вылетѣлъ изъ Петербурга, какъ бомба. Во всемъ этомъ виноваты ты (Немировичъ-Данченко) и Сумбатовъ, такъ какъ это вы подбили меня написать пьесу».

Письмо—полушутливое, съ обычнымъ чеховскимъ юморомъ. Но въ душу глубоко зашла боль.

«Здоровье мое ничего себѣ,—пишетъ Чеховъ,—настроение тоже. Но боюсь, что настроеніе скоро будетъ опять скверное: Лавровъ и Гольцевъ настояли на томъ, чтобы «Чайка» печаталась въ «Русской мысли». И теперь начнетъ хлестать меня литературная критика. А это противно, точно осенью въ лужу лѣзешь».

Изъ всѣхъ петербургскихъ исполнителей «Чайки» автора порадовала только Комиссаржевская, игравшая Нину Зарѣчную. Нѣсколько лѣтъ спустя, рассказывая мнѣ какъ-то объ этомъ злополучномъ спектаклѣ, А. П. весь преобразился радостью, когда заговорилъ объ исполненіи Комиссаржевской, и былъ щедръ на похвалы. И такой же отзывъ попадаетъ въ его письмахъ.

„Твою нарастающую антипатію къ Петербургу я понимаю,—пишетъ онъ Немировичу-Данченко,—но все же въ немъ много хорошаго, хотя бы, напримѣръ, Невскій въ солнечный день, или Комиссаржевская, которую я считаю великолѣпной актрисой“.

Руководителямъ Художественнаго театра стоило большихъ усилій переубѣдить Чехова и вырвать у него согласіе на постановку „Чайки“. Его пугала мысль, что повторится петербургская исторія, опять придется пить изъ горькой чаши. Да и предшествовавшіе „Чайкѣ“ драматургическіе опыты не обѣщали добраго: „Ивановъ“ въ театрѣ Корша кончился подъ шипъ и свистъ, «Лѣшій», передѣланный позднѣе въ „Дядю Ваню“, не имѣлъ никакого успѣха въ театрѣ Абрамовой. И Чеховъ былъ убѣжденъ, что „Чайка“ вторично потерпитъ злое крушеніе.

— Я же не драматургъ...

Но Чеховъ не умѣлъ долго отказывать. Не позволяла великая деликатность; гениемъ деликатности такъ была богата эта благородная натура. Чеховъ далъ согласіе на постановку „Чайки“. Да и какъ было отказы-

вать театру, къ которому онъ уже успѣлъ издать привязаться душою?

Ровно черезъ недѣлю послѣ открытія Художественнаго театра „Царемъ Феодоромъ“, 21-го октября 1898 г., Чеховъ писалъ руководителю этого театра:

„Ты теперь очень занятой человекъ, директоръ, но все же пиши иногда праздному человеку. Пиши, какъ и что, какъ на актеровъ подѣйствоваль успѣхъ первыхъ представлений, какъ „Чайка“, какія переменны въ распредѣленіи ролей и проч., и проч. Судя по газетамъ, начало было блестящее, — и я очень, очень радъ, такъ радъ, что ты и представить себѣ не можешь. Этотъ вашъ успѣхъ еще разъ лишнее доказательство, что и публикѣ, и актерамъ нуженъ интеллигентный театр. Но отчего не пишутъ объ Иринѣ Книпперъ? Развѣ вышла какая-нибудь заминка? Феодоръ у васъ мнѣ не нравился (А. П. видѣлъ пьесу лишь на репетиціяхъ), но Ирина показалась необыкновенной: теперь же о Феодорѣ говорятъ больше, чѣмъ объ Иринѣ“.

Позволю себѣ сдѣлать еще маленькую выдержку изъ этого письма, хотя и не имѣющую отношеніе къ Художественному театру, къ темѣ настоящаго очерка. Она—такая „чеховская“.

„Здѣсь уже вовлекаютъ меня въ общественную жизнь. Назначили: въ женскую гимназію членовъ попечительнаго совѣта. И я теперь съ важностью хожу по лѣстницамъ гимназіи, а гимназистки въ бѣлыхъ пелеринкахъ дѣлаютъ мнѣ реверансъ“.

Письмо, довольно длинное, заканчивается поклонами артистамъ Художественнаго театра. «Вспоминаю о нихъ съ большимъ удовольствіемъ».

И такъ, «Чайка» была отдана. Начали репетировать. Немировичъ-Данченко былъ, какъ уже указывалось, давно «влюбленъ» въ эту драму,—привожу его собственное выраженіе: Станиславскій сначала относился къ ней довольно равнодушно, не понималъ и только понемногу, разрабатывая, какъ режиссеръ, постановку пьесу, незамѣтно вжилъ въ нее и безсознательно полюбилъ. Но надеждъ, такъ сказать, матеріальныхъ на «Чайку» въ театрѣ не возлагали. А въ постановкѣ шла больше ощущью.

На генеральной репетиціи «Чайка» особенно не клеилась. Настроеніе въ театрѣ было тяжелое, унылое. Точно наканунѣ похоронъ. Къ концу репетиціи оно еще сгу-

стилось. Въ театрѣ пришла сестра Чехова, Марія Павловна. Изъ Ялты были дурныя вѣсти: Чеховъ заболѣлъ. Стали даже говорить, не снять ли «Чайку» совсѣмъ, не доводя до публичнаго спектакля. Такъ хотѣлось избавить дорогого, всѣми нѣжно любимаго писателя отъ лишнихъ страданій автора-неудачника. Но всѣ понимали: лишиться «Чайки»—это почти то же, что отказаться отъ театра, покончить съ нимъ.

Мы, публика, знаемъ, какъ прошелъ этотъ спектакль, сразу высоко поднявшій Художественный театръ, опредѣлившій на годы главное содержаніе и направленіе его работы; знаемъ, какое новое и сильное впечатлѣніе произвела «Чайка», и какой бурный имѣла она успѣхъ. Но мы и понятія не имѣли, что въ эти часы было пережито по ту сторону занавѣса, на сценѣ и за кулисами, какой бѣшенннй скачокъ сдѣлало настроеніе—отъ безнадежнаго отчаянія къ безграничному ликованію. Я собралъ нѣсколько воспоминаній объ этихъ часахъ, въ которые рѣшалась по-истинѣ судьба Художественнаго театра; рѣшалось и большее—судьба Чехова, какъ драматурга. Новый неуспѣхъ «Чайки» навсегда увелъ бы его изъ театра...

Нервы у всѣхъ за кулисами были натянуты. Отъ всѣхъ актеровъ пахло валерьяновыми каплями. Имъ казалось, что первый актъ идетъ скверно, что чеховское настроеніе публикѣ не сообщается, зрительная зала недоброжелательна и иронически усмѣхается.

И вдругъ зала закипѣла въ бурныхъ восторгахъ, а за кулисами—разсказывалъ мнѣ Вл. И. Немировичъ-Данченко—стало, какъ на Пасхѣ. Всѣ цѣловались. Только кто-то, не выдержавъ такого крутого скачка отъ отчаянія къ восторгу, забился въ истерикѣ. «Чайка», Чеховъ, Художественный театръ были спасены, были побѣдителями.

Всю зиму Чеховъ оставался прикованнымъ къ своему «Чортову Острову». Въ Москву онъ попалъ только уже къ веснѣ, когда театральннй сезонъ кончился. Театръ рѣшилъ сыграть «Чайку» специально для Чехова и снялъ для этого Интернаціональный театр. Въ зрительной залѣ сидѣлъ единственный зритель—авторъ.

Какое впечатлѣніе произвела сыгранная «Чайка» на Чехова? Общее, судя по тому, что онъ потомъ говорилъ, очень понравилось, нѣкоторые отдѣльные исполнители—нѣтъ. Меньше всѣхъ сама чайка—Зарѣч-

ная. Не понравился и Тригоринъ—г. Станиславскій.

Вы же прекрасно играете,—говорилъ онъ ему,—только я же этого не писалъ.

И въ поясненіе прибавилъ:

У него же клѣтчатыя панталоны и дырявые сапоги.

Чеховъ любилъ такія неожиданныя, лаконическія, афористическія опредѣленія, которыя часто ставили актеровъ въ тупикъ. И когда они пробовали добиться поясненій, просили раскрыть эти таинственныя скобки, онъ только говорилъ, не то добродушно, не то сердито:

— Я же не знаю. У меня же все написано.

И опять повторялъ свою лаконичную, казавшуюся странной, характеристику, больше похожую на «особыя примѣты».

Такъ, про дядю Ваню онъ только и скалъ:

— Онъ же носить великолѣпный галстукъ.

Про Астрова:

— Онъ же въ послѣднемъ актѣ свистить. Какъ вы не понимаете? Дядя Ваня брѣжитъ, а онъ свистить.

Въ этотъ весенній прїездъ Чеховъ особенно близко сошелся съ Художественнымъ театромъ, заключилъ его въ свое сердце. Актеры цѣлыми днями толпились въ его маленькой, почти безъ мебели, квартиркѣ на Спиридоновкѣ, въ крохотномъ флигелѣ въ глубинѣ двора. И потомъ, тоскуя одиноко въ ненавистной ему Ялтѣ, Чеховъ часто уносилъ мыслями въ Московскій театръ, за его кулисы, гдѣ жилъ милый ему народъ.

«Конечно, я здѣсь скучаю отчаянно,— писалъ онъ въ ноябрѣ слѣдующаго года.— Днемъ работаю, а вечеромъ начинаю вопрошать себя, что дѣлать, куда итти,—и въ то время, какъ у васъ въ театрѣ идетъ второе дѣйствіе, я уже лежу въ постели. Встаю, когда еще темно; вѣтеръ реветъ, дождь стучитъ»...

Вся любовь къ Художественному театру сказалась во всей выразительности въ слѣдующемъ письмѣ къ Вл. И. Немировичу-Данченко, отчасти мною уже цитированномъ выше:

«Въ твоёмъ письмѣ звучитъ какая-то едва слышная дребезжащая нотка, какъ въ старомъ колоколѣ,—это тамъ, гдѣ ты пишешь о театрѣ, о томъ, какъ тебя утомили мелочи театральной жизни. Ой, не утомляйся, не охладѣвай! Художественный театръ—это луч-

шія страницы той книги, какая будетъ когда-либо написана о современномъ русскомъ театрѣ. Этотъ театръ—твоя гордость. И это—единственный театръ, который я люблю, хотя ни разу еще въ немъ не былъ. Если бы я жилъ въ Москвѣ, то постарался бы войти къ вамъ въ администрацію, хотя бы въ качестве сторожа, чтобы помочь хотя немножко и, если можно, помѣшать тебѣ охладѣвать къ сему милому учрежденію».

Въ томъ же письмѣ, въ четыре густыя страницы бисернаго почерка, попадаетъ первое указаніе на «Трехъ Сестеръ».

«Пьесы я не пишу. У меня есть сюжетъ—«Три сестры». Но прежде чѣмъ не кончу тѣхъ повѣстей, которыя у меня давно на совѣсти, на пьесу не засяду. Будущій сезонъ пройдетъ безъ моей пьесы. Это уже рѣшено».

Любопытно сопоставить эти слова съ не разъ приводившимися указаніями самого Чехова, что «Иванова» онъ писалъ «недѣли двѣ съ чѣмъ-то». Чеховъ, правда, быстро писалъ, но долго вынашивалъ идею и образы каждой пьесы. Любилъ, чтобы уже написанное лежало у него въ письменномъ столѣ. И уже, отдавъ рукопись театру, опять и опять возвращался къ пьесѣ, мѣнялъ, дополнял, сокращалъ, часто выкидывая цѣлыя страницы. Такъ было и съ «Тремя Сестрами».

Это была первая пьеса, на репетиціи которой Чеховъ присутствовалъ. Онъ очень боялся, чтобы военные, въ среду которыхъ вводятъ «Три Сестры», не вышли у актеровъ каррикатурными.

— Они же теперь стали культурные люди, говорилъ онъ:—они все-таки вносятъ культуру въ медвѣжьи углы.

И очень хлопоталъ о томъ, чтобы были вѣрно переданы всѣ мелочи офицерскаго быта. Для этого сталъ приводить съ собою на репетиціи одного военного генерала и слушался его, какъ эксперта.

Но дождаться спектакля Чехову не удалось. Опять вмишалась болѣзнь, и врачи услали его на югъ Франціи. И оттуда письмами онъ дѣлалъ вставки и перемѣны въ пьесѣ. Такъ, письмомъ изъ Ниццы, была вставлена въ роль Чебутыкина, во второмъ актѣ, фраза: «Бальзакъ вѣнчался въ Бердичевѣ», которая произвела такой эффектъ своею неожиданностью. Въ послѣднемъ актѣ, на вопросъ Ферапонта: «А жена?» Андрей Сергѣевичъ отвѣчалъ обширнымъ монологомъ.

Уже былъ почти канунъ спектакля. Вдругъ—письмо отъ Чехова. Весь монологъ выкинуть и замѣнить двумя словами: «жена есть жена».

За судьбу этой пьесы, которую онъ самъ, къ слову сказать, считалъ веселымъ жанромъ, и очень удивился, когда въ «Трехъ Сестрахъ» увидали трагедію русской жизни,—Чеховъ очень опасался. Въ день перваго спектакля волненіе достигло такой остроты, что Чеховъ уѣхалъ изъ Ниццы и умышленно не оставилъ своего новаго адреса,—чтобы его не могла найти телеграмма съ извѣстіемъ объ исходѣ спектакля.

Единственная пьеса, на первомъ представленіи которой въ Художественномъ театрѣ Чеховъ присутствовалъ—«Вишневый Садъ». Это было въ первый и, увы,—въ послѣдній разъ. Я уже упоминалъ объ этомъ спектаклѣ, который былъ обращенъ въ чеховскій праздникъ. «Въ спектакль перваго представленія Вишневаго Сада будетъ чествованіе Чехова,—писалъ мнѣ В. И. Немировичъ-Данченко.—Пользуемся его пребываніемъ въ Москвѣ». Воспользовалась вся Москва.

«Счастье привѣтствовать любимаго родного писателя, создавшаго новую чудную

страницу въ великой книгѣ русской литературы, не выпало на долю старыхъ стѣнъ Малаго театра»—читала на этомъ чеховскомъ праздникѣ Г. Н. Ѳедотова отъ имени старѣйшаго русскаго драматическаго театра и указывала, что «нашъ молодой товарищъ, Художественный театръ, тѣсно связалъ свою судьбу съ творчествомъ Чехова». Рѣка русской драматургіи съ Чеховымъ перемѣнила свое русло. И главное ея теченіе понесло свои богатя чистыя воды въ Художественный театръ, сдѣлало его чеховскимъ театромъ.

Мы видѣли выше, какъ самъ Чеховъ относился къ этому театру, какъ оцѣнивалъ его значеніе и роль. Чеховъ былъ искренно скромный и не договаривалъ. Доскажемъ за него. Тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ Художественный театръ, той большою ролью, которую онъ сыгралъ,—онъ въ очень значительной мѣрѣ обязанъ Чехову. И если для Чехова Художественный театръ—«единственный театръ, который я люблю», то для Художественнаго театра Чеховъ—тотъ писатель, котораго онъ никогда не перестанетъ любить, самую нѣжную, благоговѣйную любовью.

Н. Эфросъ.